И. ШТОЛЫЦ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА И АТЛАСА СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Словацкие диалекты с начала возникновения славистической науки привлекали внимание видных славистов. Еще И. Добровский, основоположник славистики, отдавал должное словацкому языку и его диалектам. Такие выдающиеся ученые более позднего времени, как Ф. Палацкий, П.-Й. Шафарик, Я. Коллар, А. Бернолак, Л. Штур, М. М. Годжа, Ф. Миклошич, В. Ягич и другие, привлекают в своих работах материал словацкого языка.

Как предмет специального диалектологического исследования словацкие диалекты рассматриваются в работе А. В. Шемберы «Основы чехословацкой диалектологии»¹. Работа Фр. Пастрнека «Очерки по фонетике словацкого языка в Венгрии»² основана главным образом на языковом материале опубликованных в то время словацких народных преданий. С целью создания словацкого лингвистического атласа Пастрнек в 1893 г. публикует в журнале «Slovenské pohľady» специальную анкету, рассчитанную на словацкую интеллигенцию. Регулярно до 1897 г. Пастрнек делал сообщения о результатах ответов на анкету. После публикаций Пастрнека в Словакии началось собирание фольклорного материала — сказок, народных песен, пословиц и т. д. В этот же период О. Брох изучает восточнословацкий диалект³. Вопрос о происхождении словацкого языка и о его месте в семье славянских языков был выдвинут на передний план Т. Д. Флоринским⁴.

Благодаря деятельности Пастрнека к изучению словацких диалектов был привлечен С. Цамбель — первый словацкий диалектолог в подлинном смысле слова и создатель словацкой диалектологии. Цамбель придерживается того принципа, что литературный язык базируется на диалектах и поэтому его система и кодификация должны непосредственно вытекать из состояния диалектов. Задуманный С. Цамбелем труд должен был стать настоящим компендиумом словацких диалектов. В обширном плане задуманного труда намечались введение и четыре раздела. Первый раздел должен был содержать связанные тексты и другой языковой материал, второй раздел — грамматический анализ приведенных текстов; в третьем разделе предполагалось дать лексический анализ материала, в четвертом — обобщающее исследование о месте словацкого языка в семье славянских языков. В 1892—1905 гг. Цамбель собрал богатый текстовый материал, особенно в Восточной и Средней Словакии. В 1906 г. он издал первую часть первого раздела под названием «Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Východoslovenské nárečie». Материалы, относящиеся к Средней Словакии, Цамбель издать не успел; их позже опубликовал И. Поливка⁵.

Принципы исследования Цамбеля во многом вполне приемлемы и сейчас. Так, например, языковые проблемы он понимает не изолированно, но всегда в связи с общественными отношениями, колонизацией, культурными течениями, передвижением народов и т. д. Неоконченный труд Цамбеля, первый значительный шаг в развитии словацкой диалектологии, свидетельствует о том, что его автор был человеком широких планов и огромной трудовой энергии, вдохновенным и самоотверженным работником.

После 1918 г. с новым планом работ выступает В. Важны, который с 1921 по 1930 г. издал 26 вопросников, рассчитанных прежде всего на учителей, студентов и других местных жителей Словакии. Результаты своей анкеты В. Важны систематически помещает в журналах «Slovenské pohľady» и «Sborník Matice slovenskej» с 1922 по 1930 г. К 1930 г. у Важного было уже свыше 1100 корреспондентов, он имел ма-

¹ А. В. Шемб е р а, Základové dialektologie československé, Vídeň, 1864.

² Фр. П а с т р н е к, Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn, Wien, 1888.

³ См. О. Б р о х, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn, Kristiania, 1897.

⁴ Т. Д. Ф л о р и н с к и й, Лекции по славянскому языкознанию, ч. 2, Киев, 1897.

⁵ J. P o l í v k a, Súpis slovenských rozprávok, sv. I, «Matica slovenská», 1923.

терпал более чем из 800 населенных пунктов. Этот материал был расписан на карточки и к 1946 г. собран в богатую картотеку, которая вполне доступна и теперь и которая в свое время была использована довольно скромно. Сам Важны считал свою анкету информационной, пробной и готовился предпринять со специалистами обследование на месте заранее определенных населенных пунктов с целью создания атласа словацких диалектов. Но это мероприятие Важны уже не смог осуществить. Результаты своих исследований Важны представил в многочисленных статьях и, особенно, в работе «Словацкие наречия», где дана обобщенная характеристика словацких диалектов⁶.

В. Важны возглавлял исследовательскую работу по словацким диалектам вплоть до 1938 г. Под его руководством словацкая диалектология совершенствуется в методологическом отношении, разрабатывается теоретически; к работе привлекается ряд специалистов, и до сих пор работающих в области словацкого языкознания.

В этот период научный интерес к словацкому языку и словацким диалектам возрастает и за пределами государства. Кроме чехословацких лингвистов, проблемы, связанные с внутренней системой словацких диалектов, разрабатывают также польские, болгарские, венгерские, голландские и другие языковеды. Особенно живая дискуссия разворачивается по вопросам, касающимся места словацкого языка в ряду других славянских языков, в частности по вопросу о южнославянских элементах в средне-словацких диалектах, о месте восточнословацких диалектов в чехословацкой языковой группе и под. Некоторые из этих вопросов, имеющих большое значение для славистики в целом, до настоящего времени остаются открытыми или же являются разрешенными лишь частично. Они нуждаются в исследовании, опирающемся на учет всей системы словацкого языка в очень широких общественно-исторических связях.

Во время второй мировой войны в 1939—1945 гг. координированной работы не велось. Не было закончено и предприятие, целью которого было картографирование основных фонетических и морфологических явлений и предварительное подведение итогов лингво-географических замыслов Важного.

В 1946—1947 гг. складываются благоприятные условия для обследования словацких диалектов в Венгрии (проведено в 1946 г.), в Югославии (проведено в 1947 г.), а позднее и в Болгарии. Итоги этих обследований были опубликованы и будут публиковаться в дальнейшем. В 1947 г. на новых организационных основах Институт словацкого языка Словацкой Академии наук начал обследование по новой программе (вопроснику) всех населенных пунктов на сплошной территории словацкого языка. Предполагалось, что собранный материал позднее будет обобщен в Атлас словацкого языка.

Обследование длилось пять лет и в 1951 г. в основном было закончено. За это время всего получено 2606 ответов (из 2400 населенных пунктов). Материал был разобран, была создана простая удобная картотека. Это предприятие — наибольший успех словацкой диалектологии, если иметь в виду продолжительность обследования, богатство материала (750 вопросов, почти 1800 обязательных слов), привлечение сравнительно большого числа (около 100) специально подготовленных работников из рядов способных студентов-славистов Университета им. Коменского в Братиславе. Работа оказалась успешной и в качественном отношении. Недостатки и недомотры встречаются в обычном количестве. Процент ошибочных данных и записей относительно невелик. После 1951 г. материал частично пополнялся, было подготовлено несколько исследований, но деятельность по организации широких коллективных обследований и предварительной обработки материалов приостановилась. Приходится с сожалением признать, что в настоящее время работы над атласом ведутся разобщенно, без твердого графика и без внутреннего плана. Имеющиеся результаты картографирования представляют собой лишь отдельные эскизы, созданные в некоторых случаях не для атласа, а для других целей.

После IV Международного съезда славистов в Москве в связи с задачами создания общеславянского лингвистического атласа возобновилась организация работ на широкой основе. Мы надеемся, что добьемся хороших результатов не только при собирании материалов, которое будет интенсивно продолжаться, но и в обобщающей обработке методом лингвистической географии хотя бы некоторых участков, которые являются наиболее характерными для словацкого языка и наиболее важными с общеславянской точки зрения.

*

Нам хотелось бы указать на ряд вопросов, связанных с нашей работой и с планами на ближайшее будущее. Существенное значение здесь имеет проблема программы и картографирования собранного материала. Первостепенное значение вопросника подчеркивается в докладах и мате-

⁶ V. V á ž n ý, Nářečí slovenská, «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934.

риалах, опубликованных к IV Международному съезду славистов⁷. Диалектологический вопросник — это программа, которая определяет содержание и объем конкретного диалектологического обследования. Вопросник создается по мере того, как уясняется и формулируется проблематика темы, которую автор задумал разработать для решения определенной задачи. Постановка задачи — весьма важное дело, ею определяется характер вопросника и всей последующей работы. Дело в том, что вопросник может быть отвечающим всем требованиям и полным лишь настолько, насколько полна сама авторская концепция. Вопросник включает в себя основной материал, на котором будет базироваться результат работы. Результат будет надежным лишь постольку, поскольку правильно выбраны опорные пункты сбора материала. Таким образом, в вопроснике проявляется, собственно, уже определенная проблематика с неизвестным или частично известным решением. Вопросник — один из путей поисков этого решения на основе конкретного материала. И поскольку поиски решения — процесс, заранее неопределимый, постольку, по сути дела, и вопросник вплоть до достижения конечных итогов работы не может быть законченным, точно так же, как не может быть прерван дополнительный подбор необходимых материалов, доводов, доказательств.

Всякий вопросник должен отражать свою проблематику в полном объеме. В принципе вопросник должен быть очень конкретным, так как он представляет собой поиски предметных, материальных основ для дальнейших исследований. Чем больше конкретных примеров, тем легче найти общую закономерность и точнее ее сформулировать. Объем конкретного материала в вопроснике определяется объемом конкретного диалектного явления. Во всяком случае лучше, чтобы вопросник был по возможности шире и исчерпывал все характерные явления. Иногда встречается большое количество отдельных случаев, которые не могут быть четко разграничены. Конечно, было бы излишне специально оговаривать все подобные случаи, но все же необходимо отметить, что вопросник не должен быть скудным даже и здесь. В конце концов, лучше сделать выборку из материала, чем прийти к выводу на основе недостаточного запаса примеров.

Указанными соображениями мы руководствовались при составлении нашего вопросника в 1947 г. Он распадается на три рода обязательных слов, предназначенных для выяснения вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Некоторые слова используются дважды и трижды. Первоначально вопросник содержал почти 4000 слов; в нем рассматривалось огромное количество отличающихся друг от друга явлений. Впоследствии выяснилось, что продолжать работы в соответствии с этим максималистским планом нецелесообразно и что определенное число обязательных слов можно исключить из сферы общесловацкого обследования и перенести в сферу обследования локального. Это имело место в тех случаях, когда различия встречались в пределах небольшой географической области или же в пределах диалектного целого, например в рамках только западнословацких или восточнословацких диалектов.

Мы полагаем, что обследование территории должно вестись в рамках определенного времени. При слишком переполненном вопроснике не удалось бы избежать нежелательной затяжки работы и переутомления как собирателя, так и информатора. Это неизбежно привело бы к притушению внимания и находчивости собирателя, которые требуются при наблюдении артикуляции, при ведении разговора, обработке и формулировании вопросов и создании такой ситуации, чтобы информатор сразу же и наверняка дал нужный ответ. Это чрезвычайно важные моменты, и о них нель-

⁷ См.: Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа, М., 1958; З. Штибер, О проекте общеславянского диалектологического атласа, «Славянская филология. Сборник статей», I, М., 1958.

зя забывать при определении объема вопросника, так как от них в значительной мере зависит надежность материала. Даже самое тщательное методологическое наставление не предостережет собирателя от ошибок, обусловленных непомерным объемом работы. Обстоятельства и расположение духа собирателя и информатора всегда будут более сильным фактором, чем воодушевленное стремление к полноте диалектологических фактов. Важно, чтобы собиратель проверил установленные факты у информаторов различного возраста, профессий, а также у интеллигенции. Это тоже серьезный момент, который необходимо учесть при распределении времени.

Из всего сказанного вытекает, что вопросник не должен быть переполнен материалом и что в связи с этим при его составлении следует руководствоваться принципами экономии. Число обязательных слов нужно сокращать, правда, лишь в такой мере, чтобы не нарушить необходимую полноту материала, служащего основанием определенной темы. Осторожность требует никогда не отказываться от возможного расширения числа обязательных слов, полный инвентарь которых руководитель обследования во всяком случае должен иметь.

Систематическое обследование большой территории должно привести к постепенному созданию серии вопросников, которые явятся частями единого общего плана, осуществляемого по определенным взаимосвязанным циклам. Таким путем могут возникнуть вопросники, содержащие материал по определенной ограниченной теме или отдельному важному явлению. Вопросник может касаться или только географического распространения явления, или же может быть направлен на решение общих проблем, на установление различных слоев явлений внутри общего целого и под. Такого типа частные вопросники, вероятно, будут необходимы при изучении диалектной лексики. Их надо строить по отдельным семантическим сферам, чтобы сразу же определилась цельная терминологическая область, поскольку отдельные явления следует оценивать, исходя из целого.

Опыт показал, что наш вопросник был максималистским, хотя мы и сократили первоначальное число заглавных слов более чем наполовину (с 4000 до 1700). Вопросники меньшего размера, помимо указанных преимуществ, позволяя более практично разрешить и техническую сторону. Все это, естественно, предполагает наличие организационного центра с научными кадрами, осуществляющими теоретическое и организационное руководство, и со специально подготовленными сотрудниками, которые бы обрабатывали и классифицировали собранный материал, содержали бы его в хорошем состоянии и вели бы административную сторону дела.

В процессе работы был выдвинут еще один максималистский принцип: обеспечить ответы на вопросник в каждом словацком населенном пункте. Данная цель была достигнута. Это имеет существенное значение потому, что словацкие диалекты еще и сейчас значительно дифференцированы. В некоторых местах в целом ряде сел, расположенных по соседству, представлены диалекты, которые существенно отличаются друг от друга. Названный метод хотя и является желательным, однако необязателен. При работе на месте всегда относительно легко удается установить, можно ли выбрать населенный пункт, представляющий всю группу населенных пунктов, или нужно обследовать отдельно каждый из них. Густота сетки, таким образом, не может быть равномерной.

Охарактеризованные выше принципы можно было бы осуществить и при обследовании говоров словацкого языка. Но в наших условиях это не имело бы большого смысла. В своей работе словацкие диалектологи более охотно осуществляли максималистские требования, собственно говоря *pium desiderium* каждого диалектолога. В наших условиях это имеет и определенное теоретическое значение. Дело в том, что территория сло-

вацкого языка невелика, число населенных пунктов здесь не превышает 2500 (подсчет можно вести по-разному в зависимости от того, учитываются ли населенные пункты по административному делению или же считаются самостоятельными населенными пунктами и небольшие поселения, относящиеся к первым). Поэтому мы считали весьма интересным собрать материал из всех населенных пунктов и тем самым одновременно выполнить требования двух во многом несовместимых диалектологических постулатов: множество материала — из множества населенных пунктов. Противоречие между этими постулатами практически проявляется в том, что при осуществлении одного, как правило, нельзя в той же степени осуществить второй. Оценка словацкого материала будет способствовать решению этого методологического вопроса. Но уже и сейчас ясно, что последовательное и систематическое осуществление обоих постулатов с методологической стороны было бы чрезмерным. В данном случае вполне оправданы осторожные поиски среднего пути, который можно определить лишь в процессе собирания диалектного материала и его предварительной обработки. Однако и такой материал не всегда может быть надежным показателем для всех планов языковой структуры, потому что проблематика может различным образом перекрещиваться в различных планах. И найти такую сеть пунктов, в которой отражалось бы все множество явлений, — дело очень трудное и в теоретическом отношении рискованное. При выборе сетки серьезное значение имеет также учет факторов миграционных, культурных, общественных, экономических и под., поскольку они способствуют концентрации или дифференциации диалектов на данной территории.

Для установления густоты сетки нет единого критерия для всех славянских языков. Этим можно объяснить, что предложения относительно числа пунктов обследования весьма различны⁸. При установлении сетки и выборе пунктов обследования следует исходить из локализации явлений в отдельных славянских языках, чтобы не ускользнули от внимания особенности их языковой структуры. Белые пятна на диалектологических картах всегда придется рассматривать как неустановленные. Важно не то, что иногда граница какого-нибудь явления пройдет на несколько сел правее или левее — это, в сущности, не повлияло бы на общую географическую картину. Хуже, если из-за редкой сетки пунктов не будут зафиксированы те или иные явления.

Изготовление нескольких десятков или сот карт не исчерпывает всей проблематики словацких диалектов. Лингвистическая география стала теперь неотделимой частью лингвистического исследования, ее положение как лингвистической дисциплины все более укрепляется. Атлас отдельного языка будет создаваться по этапам, он будет постепенно увеличиваться и обогащаться новыми явлениями, а иногда и новыми раздѣлами.

Лингвистический комментарий к атласу мы понимаем более широко, чем обычный пояснительный текст. Лингвистическая карта не должна стать изолированной целью работы, лингвистическая география не должна становиться самоцелью. Атлас является средством лингвистического объяснения, но не самым объяснением. Фиксирование географического положения на карте само по себе ничего не объясняет, но зато хорошо помогает объяснить ту проблему, которая является предметом лингвистического разяснения. В связи с этим атлас представляется в виде определенным образом систематизированного и классифицированного языкового материала, подобно картотеке, подготовленной для чернового исследования. Возникает вопрос, есть ли смысл прилагать столько усилий и средств для подготовки очень дорогого издания лингвистического атласа. Возможно, было бы более целесообразно довести атлас,

⁸ Ср., например, названные выше статьи Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна и Эд. Штибера.

так сказать, до лабораторного состояния, на основе которого можно было бы подготовить текст карты для нужд конкретного исследования. Действительно, собрание карт в виде атласа не может непосредственно служить базой для лингвистического исследования. Карта в атласе не должна обязательно фиксировать каждое отдельное явление. Автор так или иначе должен будет предпринять нужное ему обследование и сам сделать необходимые карты. Поэтому нам кажется, что были бы рентабельны лишь такие атласы, собрания карт и под., которые являлись бы частью диалектологических монографий, географическими иллюстрациями конкретного языкового явления.

Лингвистический атлас или же лингвистическое картографирование является вспомогательной дисциплиной для диалектологического исследования и ни в коем случае не заменяет последнего. Лингвистический атлас — лишь картографическая или, лучше сказать, лингво-географическая часть основной характеристики языка.

*

Мы искренне приветствовали решение IV Международного съезда славистов в Москве о создании общеславянской комиссии, задачей которой явится организация общеславянского лингвистического атласа. Мы с радостью возьмем на себя те задачи, которые выпадут на нашу долю в этом грандиозном исследовательском предприятии.

Наше участие в работе над атласом, несмотря на нашу небольшую территорию, бесспорно является очень важным. Дело в том, что на территории словацкого языка проходят изоглоссы наиболее значительных явлений, по которым классифицируются славянские языки. Некоторые из этих явлений еще не исследованы должным образом. Явления, изоглоссы которых, пересекаясь, образуют узлы на территории словацкого языка, могли бы стать исходным моментом при отборе объектов картографирования для общеславянского атласа.

При рассмотрении вопросов, связанных с отбором обязательных слов для общеславянского лингвистического атласа, в первую очередь возникает вопрос о назначении и конечной цели атласа. Следует так подготовить вопросы, чтобы приводилось не только слово или форма, но и кратко обозначалась соответствующая проблема, оговаривалось, какой грамматический, фонетический, семантический и т. п. момент выясняется на примере данного слова. Это необходимо особенно в тех случаях, когда названное слово или его данная морфологическая или фонетическая форма в каком-нибудь языке отсутствовала и собиратель может ответить на вопрос отрицательно. Если будет указано, что именно требуется выяснить на примере данного слова, то в случае его отсутствия собиратель мог бы иллюстрировать соответствующее явление на примере другого слова.

При отборе обязательных слов следует учитывать возможность определенных осложнений, обусловленных историческим развитием отдельных славянских языков. Большой процент слов, особенно слов основного словарного фонда, будет общим. Несомненно, также общим окажется большое число новых слов, особенно из области технической терминологии. Однако наверняка будут представлены и значительные семантические различия, с которыми надо считаться. В вопроснике следует всегда учитывать установление не только наличия слова, но и его значения. И первое, и второе в ответе должно быть указано отдельно. Здесь окажутся и такие случаи, когда у слова существуют два различных и противоположных значения. Приведем пример из словацких диалектов. Во всех этих диалектах представлено имя прилагательное *svieži* и прилагательное *čerstvý, črstvý*, выступающее обычно как синоним первого. Но на определенной территории восточнословацких говоров в этом значении употребляется только прилагательное *svieži*, в то время как прилагательное

čerstvý передает противоположное понятие, т. е. имеет значение «старый, засохший» (например, *šcerstveti* — о хлебе; ср. русск. *черствый* в значении словацкого *tvrďý*). Значит, в таком случае было бы недостаточно лишь установить факт существования слова *čerstvý*, так как это для некоторых говоров могло бы привести к неправильному выводу. Подобные различия могут быть и между отдельными славянскими языками.

Исследование и картографирование лексических явлений встречается, кажется, наибольшие трудности и осложнения. Словарь славянских языков является более дифференцированным, чем это обычно предполагается. Во многих случаях обнаружатся весьма сложные факты, которые, даже если они не представляют большого интереса для картографирования, во всяком случае могут быть использованы для вспомогательных целей. Еще более запутанная ситуация обнаруживается в области фразеологии, где прямо и непосредственно отражаются национальные особенности. Гораздо более простым делом будет составление вопросника фонетического и морфологического, а также синтаксического. Это объясняется системным характером данных областей, в которых инвентарь явлений ограничен и развитие определялось не только внешними факторами, но и внутренними отношениями системы языка. В то время как в области лексики возможны различные количественные наслоения, не объединенные ясной внутренней гармонией, в грамматической и фонетической областях существует органическая связь между тем, что было, и тем, что есть. Эти области могут быть представлены в общеславянском вопроснике более полно и связно, а материал из этих областей можно картографировать без особых трудностей, поскольку целью картографирования является воспроизведение типа. В словаре же речь идет о передаче отдельного слова и его фонетических или морфологических вариантов, которые будут перекрещиваться с вариантами семантическими, стилистическими и под., так что общая картина может быть очень сложной и запутанной.

В таких случаях нужно будет картографировать на одной карте только фонетические варианты, на другой — только морфологические, на третьей — только лексико-семантические и под. Например, при картографировании словацкого слова *d'at'el'ina* «клевер» и всех его вариантов следует на отдельной карте зафиксировать все фонетические варианты (*d'at'el'ina* — *d'ät'el'ina* — *gät'el'ina* — *jat'el'ina* — *datelina* — *jetelina* и т. д., также *trojka* — *trujka*); на отдельной карте следовало бы дать противопоставление основных лексических вариантов (*d'at'el'ina* — *trojka* — *trebič* — *koňčina* — *trebikoňina* и т. д.) как лексических эквивалентов одного и того же понятия. Подобных случаев, несомненно, будет много и в общеславянском масштабе.

Проблематика общеславянского вопросника по лексике чрезвычайно сложна. Эту сложность еще более увеличивает то обстоятельство, что сеть пунктов обследования должна быть очень сокращена. В результате этого не будет учтено множество вариантов, которые могут иметь существенное значение при окончательных выводах. В то время как при нанесении на карту фонетических или морфо-синтаксических явлений в отношении белых мест можно говорить о весьма возможном наличии определенного типа, в словаре такой уверенности, собственно, быть не может, так как словарь не представляет собой такой системы, в которой из наличия явления А можно было бы сделать заключение о наличии А¹. Лексические типы имеют совершенно иной характер, чем фонетические или морфологические. Мы можем, например, говорить о пастушеской терминологии валашского типа. Однако этот терминологический тип вряд ли где-нибудь встречается во всей полноте, в нем представлены элементы терминологии иного типа. Очевидно, словник будет самым трудным участком в процессе работ над общеславянским лингвистическим атласом, хотя его полезность и важность сомнений не вызывают.

Из круга вопросов, касающихся общеславянского лингвистического атласа, прежде всего были затронуты те, в которых проявляется общеславянская проблематика. Однако нельзя упускать из виду и явления, общие только для некоторых славянских языков. Здесь возникает еще и та трудность, что требования к отбору материала с точки зрения отдельных славянских языков будут неодинаковыми. То, что для одного языка является важным, для другого может быть второстепенным или не имеющим значения. Подобные случаи будут скрещиваться и усложнять общее решение.

Приведем несколько примеров. Для территории русского языка характерны проблемы, связанные с а к а н ь е м. Они имеют свое значение для лингвистической географии восточнославянских языков, для остальных славянских языков этой проблематики не существует. Возникает вопрос, нужно ли это явление включать в общеславянский лингвистический атлас. Нам кажется, что нужно, так как оно связано с состоянием других явлений и в связи с ними указывает на важные изменения в функционировании определенных звуков.

В западнославянских языках большую фонологическую роль играет количество, которым чешский и словацкий языки отличаются от соседних славянских языков. Границу, которая обозначит на карте пространство, где количество имеет фонологическое значение, необходимо включить в общеславянский атлас. Но в среднесловацком диалекте количество в слове подчиняется так называемому ритмическому закону, по которому в слогах данного слова, непосредственно следующих друг за другом, происходит нейтрализация количества в последующем слоге, если предшествующий долгий. Если разбирается древность этого закона и его генезис, как и генезис количества вообще в связи с перестройкой праславянской интонационной системы, то мы должны отвести в атласе надлежащее место и этому среднесловацкому явлению, в территориальном отношении сравнительно небольшому, но имеющему значение при общем рассмотрении количественных и интонационных отношений. Так же, например, картографирование словацкого гласного *ä* (мягкого переднего *a* или же широкого *e*) — вопрос собственно словацкого языка; однако при объяснении этого явления нужно искать параллели и в других словацких языках, например в болгарском и польском (хотя там они имеют иной смысл).

При установлении предметного содержания и при отборе обязательных слов для вопросника (и атласа) в первую очередь должны быть взяты явления, которые имеют первостепенное значение для классификации славянских языков, т. е. явления древние, относящиеся по крайней мере к периоду распада праславянских диалектов в X в. По мере углубления в древность проблематика атласа становилась бы все проще, пока не ограничилась бы сравнительно немногочисленными типами. Разумеется, в общеславянском лингвистическом атласе будут представлены все явления, которые приводятся при традиционной классификации славянских языков, такие, как, например, праславянская метатеза плавных в группах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, *ort*, *olt*, рефлексy редуцированных, развитие слоговых плавных *r*, *l*, рефлексy носовых гласных, различные способы палатализации и т. д. При изучении материала позднейших периодов речь будет идти уже о распаденции древнейшего типа на ряд новых, различным образом дифференцированных и расположенных на небольших территориях. В некоторых случаях расхождение, возможно, окажется узко-территориальным и не связанным с соседними типами. Подобные расхождения могли прослеживаться в общеславянском атласе лишь постольку, поскольку они касаются явления генетически гомогенного и системного. Так, в восточнословацком диалекте изменение *tort*, *tolt* > *trat*, *tlat* имеет системный характер, но наряду с правильным *chlapec* здесь представлен польский лексический элемент *chlop*. Если бы

изоглосса праславянской метатезы прослеживалась на примере слова *chlop*, был бы достигнут неправильный результат, если иметь в виду объем изменения *tort, tolt > trat, tlat* как изменения системного характера. Естественно, что подобные случаи могут встретиться и в других областях. Поэтому отбор обязательных слов и типов явлений — ответственное и трудное дело.

Таким образом, в общеславянском лингвистическом атласе можно будет зафиксировать древние явления системного характера, представленные на больших территориях и характеризующие крупные диалектные единицы. Дальнейшее более подробное разграничение явлений частично можно было бы оставить на долю лингвистических атласов отдельных национальных языков. Это касалось бы лишь таких явлений, которые не переходят за пределы территории национального языка и не имеют никакого отношения к явлениям других языков. Для каждого отдельного пограничного случая критерии должны определяться особо. Если какое-нибудь явление переходит границы своего национального языка, то оно должно стать объектом общеславянского атласа. В определенных случаях было бы уместно сделать небольшие собрания карт (атласы), прослеживающие более узкую проблематику, например только западославянскую или только чешско-словацкую, чешско-польскую, словацко-украинскую и под.

Ясно, что общеславянский лингвистический атлас ни в коем случае не может и не должен заменить лингвистические атласы национальных языков. Наоборот, общеславянский лингвистический атлас делает необходимым картографирование территории отдельных славянских языков. Успех в работе над общеславянским лингвистическим атласом обусловлен успешным составлением национальных атласов. Общеславянский лингвистический атлас явится как бы систематизацией сведений, имеющихся в национальных атласах, теоретическим обобщением этих сведений и приведением их к общему знаменателю. В отношении материала общеславянский лингвистический атлас и атласы национальных языков точно дифференцировать невозможно. Здесь будут неизбежны перекрещивания, поскольку при создании национального атласа нельзя забыть о принадлежности национального языка к семье славянских языков не только в плане географическом, но в первую очередь в отношении языковой системы. Поэтому и здесь найдут свое отражение общеславянские явления.

Организация работ по общеславянскому лингвистическому атласу — дело очень ответственное. Оно предполагает наличие действенного, инициативного центра с необходимым международным весом и авторитетом. Созданная на IV Международном конгрессе славистов в Москве Общеславянская диалектологическая комиссия, состоящая из представителей национальных комиссий, наметила твердый план и уже сейчас энергично и целеустремленно приступила к его осуществлению. Поэтому мы вправе надеяться, что общеславянский лингвистический атлас будет создан. Следовало бы указать еще на необходимость хорошо налаженной информационной службы, обмена публикациями, анкетами, вопросниками и другими пособиями, необходимость взаимных посещений и обсуждений методологических и иных вопросов. С самого начала встает важный вопрос о транскрипции. Уже теперь нужно подумать о единой технике картографирования, о составлении по единому принципу не только карт всей территории славянских языков, но и вспомогательных карт территорий отдельных национальных языков.

Перевел со словацкого
Л. Н. Смирнов